

ГУДВИН (GOODWIN) против СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

Судебное решение от 27 марта 1996 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

Г-н Уильям Гудвин, английский подданный, журналист, проживал в Лондоне. В августе 1989 г. он был зачислен в штат журнала “Инджиниэр” в качестве журналиста-стажера. 2 ноября этого же года ему позвонило лицо, которое и ранее снабжало его информацией, сообщив, что компания “Тетра лтд.” занята изысканием займа в 5 миллионов фунтов стерлингов, поскольку испытывает финансовые трудности. Это была добровольная и безвозмездная информация. 6 и 7 ноября, намереваясь подготовить статью, заявитель звонил в “Тетру”, чтобы проверить факты и получить комментарий о финансовых проблемах компании.

Информация, о которой идет речь, содержалась в проекте плана компании, все восемь экземпляров которого имели гриф “строго конфиденциально”. Один из экземпляров исчез 1 ноября 1989 г. “Тетра” обратилась в Высокий Суд и получила промежуточное судебное предписание, запрещающее издателям журнала “Инджиниэр” публиковать статью заявителя. Все другие национальные газеты и журналы были также проинформированы о запрете. 22 ноября 1989 г. компания добилась приказа Высокого Суда, требующего от заявителя раскрыть источник своих сведений на том основании, что это было необходимо “в интересах правосудия” в смысле статьи 10 Закона о неуважении к суду 1981 г. для установления личности информатора, с тем чтобы дать возможность компании возбудить против него судебное преследование, вернуть пропавшие документы, а также получить судебный приказ, запрещающий дальнейшие публикации, либо попытаться добиться компенсации за понесенные расходы.

12 декабря 1989 г. Апелляционный суд отклонил апелляцию заявителя на судебный приказ о раскрытии источника информации, но разрешил ему подать жалобу в Палату лордов, которую она отклонила 4 апреля 1990 г. Как явствует из речи лорда Бриджа, судебный приказ о раскрытии источника был выдан “Тетре” главным образом на том основании, что ее бизнесу, а следовательно, и ее служащим раскрытие сведений, содержащихся в корпоративном плане, грозит серьезным ущербом. Эту угрозу, “тикающую под ними, как бомба с часовым механизмом”, как выразился лорд Дональдсон в Апелляционном суде, можно устранить, только удалив из нее запал, что можно сделать, полагает лорд Бридж, идентифицировав либо источник

информации, либо похитителя украденной копии плана, что даст компании возможность истребовать пропавший документ через суд.

Однако в ходе судебного разбирательства заявитель отказался раскрыть источник информации, и 10 апреля 1990 г. Высокий Суд оштрафовал его на 5000 фунтов за неуважение к суду.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 27 сентября 1990 г., заявитель утверждал, что требование раскрыть источник информации и наложенный штраф нарушают статью 10 Конвенции. Жалоба была объявлена приемлемой 7 сентября 1993 г.

В своем докладе от 1 марта 1994 г. Комиссия установила факты и выразила мнение, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции (одиннадцатью голосами против шести).

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

27. Заявитель утверждал, что приказ суда раскрыть личность источника информации и наложенный на него штраф за отказ сделать это представляют собой нарушение статьи 10 Конвенции, которая гласит:

“1. Каждый человек имеет право на свободу выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия”.

28. Никто не оспаривает, что меры, предусмотренные судебным приказом, являются вмешательством в право заявителя на свободу слова в том виде, как она гарантируется статьей 10 п. 1. Суд не видит оснований для иного вывода. Поэтому необходимо рассмотреть, было ли такое вмешательство оправданным в соответствии с требованиями статьи 10 п. 2.

А. Было ли вмешательство “предусмотрено законом”?

29. Суд отмечает, и против этого никто не возражал, что оспариваемый судебный приказ о раскрытии источника и штраф за его неисполнение

основываются на национальном законодательстве, в частности на статьях 10 и 14 Закона 1981 г. (см. п. 20—21 выше). С другой стороны, заявитель утверждает, что в том, что касается приказа о раскрытии источника, соответствующий национальный закон не удовлетворяет требованию предсказуемости, вытекающему из выражения “предусмотрено законом”.

30. Правительство оспаривало это утверждение, тогда как Комиссия не считала нужным решение этого вопроса.

31. Суд напомнил, что с учетом его практики соответствующий национальный закон должен быть сформулирован достаточно четко, с тем чтобы позволить заинтересованным лицам — при необходимости с помощью юридической консультации — предвидеть с разумной для данных обстоятельств степенью определенности те последствия, которые может повлечь за собой конкретное действие. Закон, определяющий соответствующие полномочия, сам по себе не является несовместимым с указанным требованием, при условии что пределы усмотрения и способы его осуществления, с учетом правомерности преследуемой цели, указаны с достаточной степенью ясности и что лицу предоставлена адекватная защита от произвольного вмешательства (см., например, решение по делу *Толстой-Милославский против Соединенного Королевства* от 13 июля 1995 г. Серия А, т. 316-В, с. 71—72, п. 37).

32. Заявитель утверждал, что сделанное в интересах правосудия на основании статьи 10 Закона 1981 г. исключение из принципа защиты источников информации не обладает достаточной точностью, позволяющей журналистам предвидеть обстоятельства, в которых им может быть направлен подобный судебный приказ для защиты интересов частной компании. Лорд Бридж полностью пересмотрел применительно к данному делу толкование вопроса о возможности предвидения, данное лордом Диплоком в деле *Министр обороны против “Гардиан ньюспейперс”* (см. п. 18 выше). В тот момент, когда источник предоставил информацию, журналист не мог знать, в какой степени зависело от этого материальное положение потерпевшей стороны. Журналист не имел также возможности оценить с какой-либо степенью определенности заинтересованность общественности в такой информации. Журналист обычно может судить, была информация получена законным путем или нет, но не в состоянии предсказать, как посмотрит на это суд. Действующее в настоящее время право напоминает мандат, дающий судьям полномочия обязать журналиста раскрыть свои источники информации, если судей “тронули” жалобы потерпевшей стороны.

33. Суд признает, что формулировать законы с абсолютной степенью определенности в рассматриваемой области бывает трудно, а потому некоторая гибкость может быть допущена и даже желательна, с тем чтобы позволить национальным судам развивать право в свете их представлений о том, какие меры являются необходимыми в интересах справедливости.

Вопреки тому, что утверждает заявитель, соответствующий закон не наделяет английские суды неограниченным правом усмотрения при решении вопроса о выдаче судебного приказа о раскрытии источника информации в интересах правосудия. Важные ограничения следуют прежде всего из условий статьи 10 Закона 1981 г., согласно которым приказ может быть отдан, если “суд считает вполне установленным, что раскрытие [было] необходимо в интересах правосудия” (см. п. 20 выше).

Кроме того, в рассматриваемый период, то есть когда заявитель получил информацию от своего источника, существовало не только толкование понятия “интересы правосудия”, которое лорд Диплок дал по делу *Ми-*

нистр обороны против “Гардиан ньюспейперс”, но также и решение лорда Рейда по делу “Норвич фармакал К°” против Управления по таможенным и акцизам (1973 г.), в котором указывалось, что на лицо, которое без какой бы то ни было вины со своей стороны оказалось замешанным в противоправных действиях, может быть возложена обязанность раскрыть личность правонарушителя (см. п. 15, 18 и 22 выше).

С точки зрения Суда, данное Палатой лордов по делу заявителя толкование соответствующего закона не дает основания выходить за пределы того, что можно было бы разумно предвидеть в данных обстоятельствах (см. *mutatis mutandis* недавнее судебное решение по делу *S. W. против Соединенного Королевства* от 22 ноября 1995 г. Серия А, т. 335-В, с. 42, п. 36). Не находит Суд и каких-либо признаков того, что рассматриваемый Закон не предоставил заявителю адекватной защиты от произвольного вмешательства.

34. Соответственно, Суд приходит к выводу, что оспариваемые меры были “предусмотрены законом”.

В. Преследовало ли вмешательство правомерную цель?

35. Перед органами Конвенции никто не возражал против того, что оспариваемые меры были направлены на защиту интересов “Тетры” и что вмешательство преследовало правомерную цель. Правительство настаивало, что эти меры были приняты и для предотвращения преступления.

36. Суд, удостоверившись, что вмешательство преследовало первую из этих целей, не находит необходимым устанавливать, преследовало ли оно и вторую.

С. Было ли вмешательство “необходимым в демократическом обществе”?

37. Заявитель и Комиссия придерживаются мнения, что статья 10 Конвенции требует ограничить любое принуждение журналиста раскрыть источник своей информации исключительными обстоятельствами, угрожающими жизненно важным общественным или личным интересам. Настоящее дело проверку по данному критерию не выдерживает. Заявитель и Комиссия ссылаются на то обстоятельство, что “Тетра” уже добилась судебного приказа, запрещающего публикацию (см. п. 12 выше) и что нарушений этого запрета не было. Поскольку информация указанного типа обычна в деловой прессе, они не считали, что риск ущерба, который могли вызвать дальнейшие публикации, подтвердился. “Тетре” не был причинен предполагаемый ею вред.

По мнению заявителя, рассматриваемая информация заслуживала публикации в печати, хотя она и не раскрывала факты, имеющие особо важный общественный интерес, как, например, преступления, в том числе должностные. Она сообщала о плохом управлении в “Тетре”, убытках и поиске кредитов, была основана на фактах, злободневна и представляла непосредственный интерес для потребителей и инвесторов на рынке компьютерных программ. В любом случае степень общественной заинтересованности в информации не может служить критерием для констатации настоятельной потребности в судебном приказе о раскрытии ее источника. Источник может предоставлять информацию, которая сегодня не имеет особой

ценности, но приобретает таковую завтра; важно, чтобы отношения между журналистом и источником обеспечивали информацию, которая по праву может быть сообщена в печати. Сказанное не отрицает права “Тетры” сохранять свою деятельность в тайне, но призвано оспорить утверждение, что была острая социальная необходимость наказывать заявителя за отказ раскрыть источник информации, которую “Тетра” не смогла сохранить в тайне.

38. Правительство возражало, утверждая, что судебный приказ о раскрытии источника информации был необходим в демократическом обществе для того, чтобы защитить “права” компании “Тетра”. В функцию национальных судов входят оценка фактов, и в свете установленных фактов вытекающие из них правовые последствия. С точки зрения Правительства, надзорная юрисдикция учреждений Конвенции распространяется только на последнюю часть указанной функции. Это ограничение при рассмотрении дела в свете Конвенции имеет в данном случае большое значение. Национальные суды исходили из того, что заявитель, получая информацию от своего источника, не знал, что она носит конфиденциальный характер, но ему следовало это знать. Более того, источник информации, возможно, являлся похитителем конфиденциального бизнес-плана и, разглашая эту информацию, имел неблагоприятные мотивы. При дальнейшей публикации этой информации истцы потерпели бы серьезный коммерческий ущерб. Это было установлено внутренними судами на основании предъявленных им доказательств.

В представлении далее говорилось, что в публикации полученной заявителем конфиденциальной информации не было существенного общественного интереса.

Хотя и существует общая заинтересованность в том, чтобы журналист свободно получал информацию, он не может не понимать, что данное им обещание сохранять конфиденциальность и не ссылаться на источник информации должно уступать более важному общественному интересу. Журналистская привилегия не должна распространяться на защиту источника, который вел себя *mala fide* или, по крайней мере, безответственно, и не должна позволять ему безнаказанно передавать информацию того вида, о которой идет речь. В настоящем случае источник не проявил ответственности, к которой призывает статья 10 Конвенции. Спорная информация в содержательном плане не представляет собой такого общественного интереса, который оправдывал бы вмешательство в права частной компании, каковой является “Тетра”.

Хотя эффективные судебные запреты получены, до тех пор пока похититель и источник информации не обнаружены, истцы рискуют столкнуться с дальнейшим распространением этих сведений, а следовательно, с угрозой ущерба для бизнеса и средств к существованию своих работников. Других средств для защиты конфиденциальности деловой информации “Тетры” нет.

В этих обстоятельствах, по мнению Правительства, судебный приказ, требующий от заявителя раскрыть свой источник информации, и последовавшее постановление о наложении штрафа за его отказ сделать это не являются нарушением прав заявителя в целях статьи 10 Конвенции.

39. Суд напоминает, что свобода слова составляет одну из главных опор демократического общества и что предоставляемые прессе гарантии имеют

особенно большое значение (см. судебное решение по делу *Йерсилд против Дании* от 23 сентября 1994 г. Серия А, т. 298, с. 23, п. 31).

Защита журналистских источников информации является одним из основополагающих условий свободы печати, в том виде как она нашла отражение в законах и кодексах профессионального поведения в ряде Договаривающихся Государств и в нескольких международных актах (см., в частности, Резолюцию о свободах журналистов и правах человека, принятую на 4-й конференции министров европейских стран по вопросам политики в области средств массовой информации (Прага, 7—8 декабря 1994 г.), Резолюцию Европейского парламента о конфиденциальности журналистских источников от 18 января 1994 г. (Official Journal of European Communities. № С 44/34). При отсутствии подобной защиты источники не стали бы оказывать содействие прессе, что отрицательно сказалось бы на способности прессы предоставлять точную и надежную информацию по вопросам, представляющим общественный интерес. В результате жизненно важная роль прессы как стража интересов общества была бы подорвана. Принимая во внимание важность защиты журналистских источников для свободы печати в демократическом обществе и опасное воздействие, которое судебный приказ о раскрытии источника может оказать на осуществление свободы печати, подобная мера не может считаться совместимой со статьей 10 Конвенции, если она не оправдывается более важным требованием общественного интереса.

Эти соображения должны быть учтены при проверке обстоятельств настоящего дела с точки зрения “необходимости в демократическом обществе” в соответствии со статьей 10 п. 2.

40. По общему принципу, “необходимость” для любого ограничения свободы слова должна быть убедительно установлена (см. решение по делу *“Санди таймс” против Соединенного Королевства* (№ 2) от 26 ноября 1991 г. Серия А, т. 217, с. 28—29, п. 50). Считается, что вывод о “неотложной социальной потребности” в ограничении должны сделать прежде всего национальные власти, для чего они располагают определенной свободой усмотрения. Однако в настоящем контексте национальная свобода усмотрения ограничивается интересами демократического общества в обеспечении и поддержании свободы прессы. Этот же интерес будет определять — в соответствии со статьей 10 п. 2, — было ли ограничение соразмерно преследуемой правомерной цели. В общем ограничение конфиденциальности журналистских источников требует со стороны Суда особо тщательного изучения.

Задача Суда при осуществлении им своей контрольной функции заключается не в том, чтобы подменять национальные власти, а в том, чтобы рассмотреть в свете статьи 10 решения, которые они приняли в соответствии со своим правом усмотрения. Делая это, Суд должен рассматривать обжалуемое вмешательство в контексте всего дела и установить, являются ли основания, выдвинутые в их оправдание национальными властями, “соответствующими и достаточными”.

41. В настоящем случае, как явствует из речи лорда Бриджа в Палате лордов, судебный приказ о раскрытии источника был выдан “Тетре” главным образом на том основании, что ее бизнесу, а следовательно, и средствам к жизни ее работников грозил серьезный ущерб, который мог быть вызван раскрытием сведений, содержащихся в корпоративном плане, в то время как переговоры о рефинансировании все еще продолжались (см. п. 18 выше). Эту угрозу, “тикающую под ними, как бомба с часовым механиз-

мом”, как выразился лорд Дональдсон в Апелляционном суде (см. п. 17 выше), можно устранить, только удалив из нее запал, полагает лорд Бридж, т. е. идентифицировав либо источник информации, либо самого похитителя копии плана, что даст, таким образом, компании возможность истребовать пропавший документ по суду. Важность защиты источника информации, делает вывод лорд Бридж, во многом уменьшилась из-за по меньшей мере соучастия источника информации в грубейшем нарушении конфиденциальности, которая далеко не была уравновешена законным интересом в публикации информации (см. п. 18 выше).

42. С точки зрения Суда, оспариваемый приказ о раскрытии источника следует рассматривать в контексте временного судебного приказа о запрете публикации любых сведений, почерпнутых из похищенного плана, не только самому заявителю, но и издателям “Инджинизр”, а также всем национальным газетам и журналам (см. п. 12 выше). Цель приказа о раскрытии источника — предотвратить распространение конфиденциальной информации, содержащейся в плане, — в значительной степени уже была достигнута этим судебным запретом. По мнению члена Апелляционного суда лорда Дональдсона, нет сомнений в том, что приказ оказался действенным и остановил распространение прессой конфиденциальной информации (см. п. 17 выше). Таким образом, кредиторы, клиенты, поставщики и конкуренты компании “Тетра” лишились возможности получить эту информацию из печати. Тем самым ключевой компонент угрозы причинения ущерба компании в значительной степени уже был нейтрализован. Раз это так, то, по мнению Суда, приказ о раскрытии источника служил лишь средством усиления запрета; дополнительное ограничение свободы печати, которое он влек за собой, не имело под собой достаточных оснований в целях статьи 10 п. 2 Конвенции.

43. Суду остается установить, могут ли служить достаточным оправданием иные цели, достигаемые при помощи приказа о раскрытии источника.

44. В этом отношении справедливо, как указал лорд Дональдсон, что данный судебный запрет “действительно не мог предотвратить разглашение информации клиентам или конкурентам [Тетры]” непосредственно источником заявителя (либо источником этого источника) (см. п. 17 выше). Не зная о том, кто является источником, “Тетра” была не в состоянии остановить дальнейшее распространение нежелательной информации, в частности, путем судебного истребования пропавшего документа.

У компании как коммерческого предприятия имелся также законный интерес в разоблачении и увольнении нелояльного служащего или сотрудника, у которого был доступ в помещения компании, где хранился конфиденциальный план.

45. Все это, несомненно, достаточные основания. Однако — и это признается национальными судами — для стороны, стремящейся получить судебный приказ о раскрытии источника, недостаточно сослаться лишь на то, что без такого приказа трудно воспользоваться своим правом или избежать отрицательных правовых последствий (см. п. 18 выше). В этой связи Суд хотел бы напомнить, что учреждения Конвенции при рассмотрении дел на основании статьи 10 п. 2, сопоставляя соперничающие интересы, отдают предпочтение заинтересованности демократического общества в обеспечении свободы прессы (см. п. 39—40 выше). Исходя из фактов настоящего дела, Суд не может прийти к выводу, что интересы “Тетры”, стремившейся с помощью суда устранить лишь остаточную угрозу ущерба от распростране-

ния конфиденциальной информации иным путем, нежели через прессу, получить возмещение ущерба, наконец, разоблачить нелояльного служащего или сотрудника, были, даже если их рассматривать в совокупности, достаточны, чтобы перевесить жизненно важный общественный интерес — защиту источника информации, полученной журналистом-заявителем. Поэтому Суд не считает, что дополнительные цели, которые обеспечивал приказ о раскрытии источника, при сопоставлении их со стандартами, на соблюдении которых настаивает Конвенция, можно было бы приравнять к более важному критерию интереса.

46. Итак, с точки зрения Суда, отсутствует разумная соразмерность между правомерной целью, преследуемой приказом о раскрытии журналистского источника, и средствами, использованными для ее достижения. Поэтому ограничения, которые повлек за собой приказ о раскрытии источника информации, на осуществление заявителем свободы слова нельзя рассматривать как необходимые в демократическом обществе для защиты прав компании "Тетра" в смысле статьи 10 п. 2, несмотря на свободу усмотрения, которой располагают национальные власти.

Соответственно, Суд делает вывод, что как приказ, требующий от заявителя раскрыть источник своей информации, так и наложенный на него штраф за отказ сделать это представляют собой нарушение его права на свободу слова в соответствии со статьей 10.

II. Применение статьи 50 Конвенции

47. Г-н Уильям Гудвин требует справедливого возмещения в соответствии со статьей 50 Конвенции, которая гласит:

"Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне".

А. Моральный вред

48. Заявитель потребовал 15 000 фунтов стерлингов в возмещение морального ущерба за душевные страдания, шок, испуг и тревогу, которые он испытал в результате возбужденного против него судебного преследования. В течение пяти месяцев он постоянно находился под угрозой того, что его посадят в тюрьму на срок до двух лет в наказание за то, что он слушался велений своей совести и вел себя так, как ему предписывал профессиональный долг журналиста. Ему все еще приходится жить с репутацией уголовного преступника, нарушившего Закон о неуважении к суду. Он стал объектом преследований и домогательств со стороны служителей правосудия и своих работодателей, направленных на то, чтобы заставить его исполнить судебный приказ; к этому добавилось давление с помощью угрозы увольнения, если он не раскроет свой источник.

49. Правительство возражало против требований заявителя на том основании, что заявленные им отрицательные последствия проистекали из того

факта, что он бросил вызов праву и не повиновался ему. Даже если он и считал, что это плохое право, он должен был повиноваться приказу о предоставлении суду истребуемой информации, направив ее в запечатанном конверте, либо по крайней мере он должен был признать свой долг повиноваться приказу о раскрытии информации, когда проиграл дело в Палате лордов. Если бы он это сделал, Правительству было бы трудно противиться требованию о возмещении ущерба за отрицательные последствия.

50. Доводы Правительства Суд не убедили. В соответствии со статьей 50 единственное, что имеет значение, так это то, причинили ли образующие указанное нарушение обстоятельства моральный вред. В настоящем случае Суд считает установленным существование причинной связи между тревогой и огорчениями, испытанными заявителем, и установленным нарушением Конвенции. Однако в обстоятельствах данного дела Суд полагает, что сам факт признания нарушения представляет собой достаточно справедливое возмещение морального вреда.

В. Издержки и расходы

51. Заявитель далее потребовал возмещения судебных издержек и расходов, которые в сумме составили 49 500 фунтов стерлингов и конкретизированы в его меморандуме Суду от 1 марта 1995 г.:

(а) 19 500 фунтов — оплата адвоката за составление жалобы и письменных замечаний в Комиссию и в Суд и за подготовку и представительство по делу как в Комиссии, так и в Суде.

(b) 30 000 фунтов — за работу представителей заявителя в связи с разбирательством дела в Комиссии и в Суде.

К вышеназванным суммам следует приплюсовать соответствующий налог на добавленную стоимость.

52. Правительство в своем письме от 11 апреля 1995 г. предложило заявителю представить подробную разбивку издержек.

53. В письме от 25 июля 1995 г. заявитель сообщил, что работа адвокатов в Комиссии и в Суде составила 136 часов при средней оплате 250 фунтов в час для старшего партнера и 150 фунтов в час для помощника.

54. 30 августа 1995 г. Правительство представило свои комментарии по поводу разбивки, сделанной заявителем, и сообщило, что оно считает требуемую за услуги адвокатов сумму в 19 500 фунтов неоправданно высокой и считает сумму в 16 000 фунтов разумной.

Что касается оплаты услуг представителей, то Правительство считает ставки и количество часов, содержащиеся в требовании, чрезмерными. С его точки зрения, разумной была бы оплата 110 часов при средней ставке 160 фунтов для старшего партнера и 100 фунтов для помощника.

По расчетам Правительства, было бы целесообразно возместить заявителю 37 595,50 фунта (включая НДС) за понесенные им издержки.

55. В своем письме от 1 сентября 1995 г. заявитель подчеркнул, что количество часов и почасовые расценки, содержащиеся в требовании, являются разумными. Однако если Суд примет решение в его пользу, он согласен с суммой, указанной Правительством. Он также заявил, что согласен на мировое соглашение, основанное на средней по предложениям сторон сумме.

56. Суд считает суммы, на которые согласилось Правительство, адекватными с учетом обстоятельств настоящего дела. Поэтому Суд присуждает

заявителю 37 595,50 фунта (включая НДС) в возмещение судебных расходов и издержек, за вычетом 9300 французских франков, уже уплаченных в порядке судебной помощи Совета Европы.

С. Проценты за просрочку

57. Согласно имеющейся у Суда информации, процентные ставки, действующие в Соединенном Королевстве на дату вынесения настоящего судебного решения, составляют 8% годовых.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* одиннадцатью голосами против семи, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановил* единогласно, что установление факта нарушения представляет собой достаточное и справедливое возмещение понесенного заявителем морального ущерба;

3. *Постановил* единогласно:

(а) что государство-ответчик должно в течение трех месяцев выплатить заявителю в счет издержек и расходов 37 595,50 (тридцать семь тысяч пятьсот девяносто пять фунтов стерлингов и пятьдесят пенсов) за вычетом 9300 (девяти тысяч трехсот) французских франков, которые должны быть переведены в фунты стерлингов по курсу, который применялся на дату вынесения настоящего решения;

(b) что простые проценты из расчета 8% годовых должны будут выплачиваться по истечении вышеуказанного трехмесячного срока и вплоть до урегулирования задолженности;

4. *Отверг* единогласно оставшуюся часть требования о справедливом возмещении.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 27 марта 1996 г.

Герберт Петцольд
Грефье

Рольф Риссдал
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда А к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ РИССДАЛА, БЕРНХАРДТА, ТОРА ВИЛЬЯЛМСОНА, МАТШЕРА, УОЛША, СЭРА ДЖОНА ФРИЛЭНДА И БАКА

1. Мы не можем согласиться с выводом, сделанным большинством в п. 46 судебного решения, что “как приказ, требующий от заявителя рас-

крыть источник своей информации, так и наложенный на него штраф за отказ сделать это представляют собой нарушение его права на свободу слова в соответствии со статьей 10”.

2. Мы, конечно, полностью согласны с тем, о чем напоминает п. 39 судебного решения: свобода слова составляет одну из главных опор демократического общества, и предоставляемые прессе гарантии имеют особенно большое значение. Мы также согласны, что, как говорится в данном пункте далее: “Защита журналистских источников информации является одним из основополагающих условий свободы печати... При отсутствии подобной защиты источники не стали бы оказывать содействие прессе, что отрицательно сказалось бы на способности прессы предоставлять точную и надежную информацию по вопросам, представляющим общественный интерес. В результате жизненно важная роль прессы как стража интересов общества была бы подорвана”. Отсюда следует, что приказ о раскрытии источника информации не может считаться совместимым со статьей 10 Конвенции, если только это требование не является оправданным согласно п. 2 данной статьи.

3. Мы расходимся с большинством в оценке того, существовало ли такое оправдание в настоящем деле — в частности, можно ли было считать, что оно удовлетворяло проверке по критерию необходимости в демократическом обществе.

4. Что касается национального права, статья 10 Закона о неуважении к суду 1981 г. однозначно исходит из презумпции недопустимости раскрытия источника информации, предусматривается, что суд не может требовать раскрытия источника, “если только не будет установлено, что такое раскрытие является необходимым в интересах правосудия или национальной безопасности, или для предотвращения беспорядков, или совершения преступления”.

5. Как объяснял лорд Бридж в Палате лордов по делу заявителя, это законное ограничение действует, пока сторона в процессе, требующая вынесения приказа о раскрытии, не убедит суд, что “раскрытие является необходимым” в интересах решения одной из четырех задач, перечисленных в данной статье Закона и вызывающих особую озабоченность общества. Задавая себе вопрос, является ли раскрытие источника какой-либо конкретной информации необходимым для удовлетворения одного из интересов, о которых идет речь, судья должен приступить к процедуре оценки: он должен начать “с презумпций, во-первых, что защита источников сама по себе имеет большое общественное значение, во-вторых, что лишь необходимость будет достаточной для того, чтобы возобладать над ней; в-третьих, что такая необходимость может проистекать только из другой задачи, представляющей большую общественную значимость и относящейся к одной из тех четырех задач, которые перечислены в данной статье закона”. Рассматривая способ, которым судья должен установить необходимость, когда этого, как в данном деле, требуют интересы правосудия, лорд Бридж сказал, что для стороны, требующей раскрытия источника, защищаемого данной статьей Закона, недостаточно показать, что без такого раскрытия она будет не в состоянии осуществить признаваемое за ней законом право или избежать угрозы отрицательных правовых последствий. “Задача судьи всегда будет состоять в том, чтобы сопоставить важность достижения интересов правосудия применительно к обстоятельствам конкретного дела, с одной стороны, и важность защиты источника — с другой. Взвешивая, судья дол-

жен удостоверить, что раскрытие источника в интересах правосудия имеет такую большую значимость, что она перекрывает установленную статутом привилегию не раскрывать источника, т. е. должен констатировать наличие определенного порога необходимости”.

6. Исходя из того, что, как это признается в судебном решении, защита прав компании “Тетра” с помощью исключения “в интересах правосудия” преследует правомерную цель на основании статьи 10 п. 2, проверка по критерию необходимости, применяемая в национальном праве, поразительно похожа на ту, которая требуется по Конвенции. Основываясь на всей совокупности представленных им доказательств, национальные суды в трех инстанциях пришли к выводу, что раскрытие источника необходимо в интересах правосудия. В поддержку своего вывода о правильности решения Апелляционного суда лорд Бридж указал на следующие моменты. Во-первых, для “Тетры” важность получения приказа о раскрытии источника заключается в угрозе серьезного ущерба для ее бизнеса, а следовательно, и для средств к существованию ее работников, который может быть причинен разглашением конфиденциальных сведений, в то время как операции по рефинансированию все еще продолжаются. Эта угроза могла быть устранена, только если бы удалось сразу идентифицировать похитителя документа либо сделать это постепенно, что в обоих случаях позволило бы начать судебную процедуру по изъятию пропавшего документа. Во-вторых, важность защиты источника информации значительно уменьшилась соучастием источника в грубом нарушении конфиденциальности, что не было уравновешено каким-либо законным интересом, которому могла бы служить публикация этой информации. Рассмотрение баланса интересов с этой точки зрения ясно показало преобладание интересов правосудия, перевесивших соображения предусмотренной законом защиты источника от раскрытия, и проверка необходимости раскрытия источника была проведена.

7. С другой стороны, в судебном решении был сделан вывод об отсутствии обоснованной соразмерности между преследуемой приказом о раскрытии источника правомерной целью и использованными для достижения этой цели средствами (п. 46). Подводя к этому выводу, судебное решение (справедливо) в п. 42 говорит, что приказ о раскрытии источника следует рассматривать в контексте судебного приказа, которого “Тетра” уже добилась ранее. Этот запрет оказался эффективным средством предотвращения распространения в прессе конфиденциальной информации, тем самым “ключевой компонент угрозы причинения ущерба компании в значительной степени уже был нейтрализован...” “Раз это так, — говорится в нем далее, — ...то... приказ о раскрытии источника служил лишь средством усиления запрета; дополнительное ограничение свободы печати, которое он влек за собой, не имело достаточных оснований в целях статьи 10 п. 2 Конвенции”.

8. Предположить, однако, что приказ о раскрытии источника мог служить “просто усилению запрета”, значит неверно изложить суть дела. Как объясняется в решениях национальных судов, целью приказа о раскрытии источника было расширить защиту прав компании “Тетра”, ликвидировав пробелы, оставленные первым приказом. Запрет приструнил прессу, но на практике он несколько не препятствовал источнику заявителя (или источнику источника) разгласить эту информацию клиентам и конкурентам “Тетры” напрямую. Не зная личности источника, “Тетра” была бы не в состоянии остановить дальнейшее распространение конфиденциальных сведений, потребовав в судебном порядке возврата пропавшего документа, выдачи

судебного предписания, запрещающего любое его дальнейшее распространение, и возмещения ущерба. Компания не могла также устранить угрозу причинения ее интересам дальнейшего вреда возможным нелояльным служащим или работником, который мог по-прежнему пользоваться доступом в ее помещения.

9. Эти дополнительные цели, достижению которых служит приказ о раскрытии источника, рассматриваются в п. 44—45 судебного решения. Последний пункт, напомнив соображения, которые должны приниматься в расчет учреждениями Конвенции при рассмотрении дел на основании статьи 10 п. 2, “сопоставляя соперничающие интересы, отдают предпочтение заинтересованности демократического общества в обеспечении свободы прессы”, утверждает, что интересы “Тетры” в принятии дополнительных мер защиты путем издания судебного приказа о раскрытии источника были недостаточны, чтобы перевесить жизненно важный общественный интерес в защите источника получения информации журналистом-заявителем.

10. Однако какого-либо детального анализа интересов “Тетры” принято не было, а в их отсутствие нет достаточного основания для процедуры сопоставления, применение которой требуется от Суда. Национальные суды в любом случае находятся в лучшем положении для подобной оценки на основании имеющихся у них доказательств, и, с нашей точки зрения, вывод, к которому они пришли относительно того, где находится искомый баланс интересов, не выходит за пределы свободы усмотрения, предоставленной национальным властям.

11. Таким образом, мы приходим к выводу, что ни приказ о раскрытии источника, ни штраф, наложенный на заявителя за его неисполнение, не ведут к нарушению его права на свободу слова в соответствии со статьей 10.

ОТДЕЛЬНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ УОЛША

1. В своем вступительном обращении к Суду адвокат заявителя сказал, что его клиент “не требует себе специальной привилегии в силу своей профессии, т. к. журналисты не стоят над законом”. Тем не менее мне кажется, что Суд своим решением фактически постановил, что согласно Конвенции журналисту в силу его профессии должна быть предоставлена привилегия, недоступная другим лицам. Разве может гражданин, когда он пишет письмо для публикации в газете, получить равную привилегию, если он не является профессиональным журналистом? Для того чтобы провести различие между журналистом и рядовым гражданином, необходимо обратиться к статье 14 Конвенции.

2. В данном случае заявитель не пострадал от того, что ему не дали высказать свое мнение. Скорее, он сам отказался говорить. В результате тяжущаяся сторона, обратившаяся к закону за защитой своих интересов, которым был нанесен неправомерный ущерб, осталась без средств юридической защиты, на которые, по решению суда, она имеет право. Подобный итог, безусловно, является вопросом, представляющим публичный интерес, и заявителю удалось сорвать усилия национальных судов действовать в интересах правосудия. Решение вопроса о том, был ли документ, о котором идет речь, украден или нет, принадлежит национальным судам. Тем не менее заявитель утверждает, что, поскольку он не верит, что документ

был украден, он может оправдывать этим свой отказ исполнить предписание суда, которое вынесено по его делу. Его отношение и его слова создают впечатление, что он повиновался бы приказу, если бы он полагал, что данный документ был украден. Таким образом, в оправдание отказа повиноваться предписанию суда он сам определяет, что является истинным в ситуации, решение которой находится исключительно в компетенции национальных судов.

3. Мне представляется, что ничто в настоящей Конвенции не позволяет одной из сторон по делу противопоставлять свои убеждения относительно его фактических обстоятельств установленным компетентными судами фактам по делу и тем самым оправдывать свой отказ считать себя связанным судебным решением. Позволить стороне поступать так только потому, что она является журналистом по профессии, означает подвергать судебный процесс субъективной оценке одного из тяжущихся и уступить такой стороне право единолично выносить решение о моральной оправданности отказа повиноваться приказу суда, в результате чего другой стороне будет отказано в правосудии и она будет вынуждена терпеть ущерб. Таким образом, нарушается исходная норма естественной справедливости — никто не может быть судьей в своем собственном деле.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЕ МЕЙЕРА

Я полностью согласен с выводом Суда, что приказ, требующий от заявителя раскрыть свой источник информации, и наложенный на него штраф за отказ сделать это нарушили его право на свободу слова.

Однако я хотел бы отметить также, что, с моей точки зрения, таким нарушением был и ранее вынесенный судебный запрет на публикацию этой информации¹, ибо это является совершенно неприемлемой формой предварительного ограничения свободы слова².

Даже если такого судебного запрета и не существовало, приказ о раскрытии источника информации и последовавший за ним штраф никогда бы не были законными. Защита источников информации журналиста имеет столь жизненно важное значение для осуществления им своего права на свободу слова, что в принципе никогда нельзя допускать покушений на него, кроме как, наверное, в очень исключительных обстоятельствах, которых в настоящем деле, конечно же, не было.

¹ Пункты 12 и 42 судебного решения.

² См. мое частично особое мнение по этому вопросу в судебном решении по делу "Обсервер" и "Гардиан" против Соединенного Королевства от 26 ноября 1991 г. Серия А, т. 216, с. 46.